ЧЕЛОВЕК-ПАУК

ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА КРЭЙВЕНА

НИЛ КЛЕЙД

MARVEL

Нил Клейд

Человек-паук. Последняя охота Крэйвена

Серия «Вселенная Марвел»

Серия «Человек-паук»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8976550
Человек-паук: Последняя охота Крэйвена/ Нил Клейд; перевод с английского Юрия Павлова: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-096475-8

Аннотация

Давний враг Питера Паркера Сергей Кравинов, потомок русских аристократов, прирождённый охотник, начинает свою последнюю схватку. Его жертва – Человек-паук. Но Кравинов не остановится, заполучив свой трофей, он намерен влезть в шкуру Паука, как делал с другими своими жертвами, изучить его повадки и занять его место. Все новые комиксы о Невероятном Человеке-пауке основаны на этой трагической истории.

Содержание

Пролог 6
Часть первая 15
Глава первая 17
Глава вторая 24
Глава третья 35
Глава четвёртая 38
Глава пятая 47
Глава шестая 52
Глава седьмая 56
Глава восьмая 58
Глава девятая 60
Глава десятая 64
Глава одиннадцатая 66
Глава двенадцатая 69
Глава тринадцатая 71
Конец ознакомительного фрагмента. 75

Нил Клейд
Человек-паук. Последняя охота Крэйвена

Посвящается Джеку, Оуэну, Оливии и маленькому супергерою, который вот-вот родится. Я пишу эти строки тем самым вечером, когда впервые объяснил вам, что чем больше сила, тем больше ответственность. Помните: вы – моя сила.

Пролог

ОХОТНИК достал винтовку, подержал в руках, словно взвешивая, покрутил. Погладил приклад, сильными мозолистыми пальцами сжал холодный ствол и нежно, трепетно, поотечески положил оружие на стол. Уникальная винтовка была изготовлена специально для Охотника на базе «Ремингтона 700» и хранилась в настоящем гробу, отделанном медью, а изнутри обитым бархатом. Теперь он лежал открытым в самом сердце убежища Охотника.

Сергей вышел из комнаты, расположенной в центре его жилья, – тайного хранилища трофеев и воспоминаний, накопленных за всю жизнь. Осторожно, крадучись, как дикий кот, он двигался по аскетичным комнатам, удаляясь от гроба и винтовки. Винтовка ждала своего часа, ждала, когда всё закончится.

Но время ещё не пришло.

Одетый в синий, небрежно подвязанный халат, Сергей добрался до заднего флигеля дома. Вход сюда был запрещён даже помощникам и слугам. Здесь находилась его святая святых – пышно убранный зал, заставленный чучелами поверженных Охотником противников. Каких-то он привёз из дальних земель в клетках, каких-то притащил на собственных плечах, а некоторых смог даже оседлать. Никому, будь то гордый лев, могучий слон, яростный тигр или ловкий ягуар, не удалось победить Охотника в расцвете сил. Сергея не брали ни когти, ни зубы, ни устрашающий рёв. Из каждой

схватки Охотник выходил победителем и забирал в качестве трофея шкуры и кости зверей. Он одолел всех хищников в мире… кроме одного.

Сергей задёрнул шторы и в наступившем полумраке сбросил халат. Нагой, облачённый лишь в эфемерную шкуру Охотника, он обошёл комнату, кланяясь своим бывшим врагам. Его взгляд упал на иссиня-чёрную пантеру, застывшую с безмолвным оскалом на морде. Он прошел мимо угрожающей фигуры огромной обезьяны, занёсшей руки для удара, и оказался у стола, на котором стоял небольшой серебряный поднос со свечами и склянками. Мысли о прошлом и будущем мешали сосредоточиться, поэтому Сергей провёл ритуал без лишней помпы. Он зажёг благовония, дождался, пока лиловый дым наполнит зал, и залпом выпил несколько эликсиров, настоянных на расширяющих сознание травах.

Он повернулся к животным, в схватках с которыми снискал славу, вышел на середину комнаты и опустился на четвереньки. Сергей перестал быть Охотником, теперь он обрёл инстинкты и повадки Зверя и передвигался уже на четырёх конечностях. Травы и снадобья изменили восприятие, превратили Охотника-человека в Охотника-зверя, но, преследуя воображаемую добычу, крадясь между слоном и носорогом, Сергей чувствовал, что он стал чем-то большим. «Я – Крэйвен», – думал он. Имя звенело в голове, разносилось по комнате, отражалось от стен и трофеев. «Я – Крэйвен, я – Зверь». Он повторял это как заклинание и, увенчан-

ный этой мыслью, бросился к едва видимой в лиловой дымке пантере. Очутившись перед огромной кошкой, Сергей зарычал на неё, а после схватил пантеру и швырнул в стойку с разукрашенными щитами и копьями. Коллекция смертоносного оружия рассыпалась по полу.

Сергей подошёл – нет, подкрался к новому врагу – высоченной обезьяне, чья тень упала на обнажённое тело Охотника. Сергей поднялся на ноги, высоко поднял руки, копируя позу покрытого шерстью примата, и с первобытным, кровожадным воплем, почти без размаха врезал обезьяне в челюсть так, что голова отлетела. Охотник обхватил туловище обезьяны и поднял над головой. От ярости и напряжения его мышцы натянулись, как канаты.

Сергей хищно улыбнулся сквозь зубы. «В моих мыслях – ярость и слава, – подумал он. – В моём сердце – огонь и гордость. Я – Крэйвен. В моём теле – грация и сила».

Издав трубный, как у слона, рёв, Сергей обрушил чучело обезьяны на пол. Куски разлетелись по залу. На всё это безмолвно взирали другие существа.

Тяжело дыша, вспотевший от усилий и жаркого дыма Охотник проковылял к шторам и сорвал их, попутно подхватив свой халат. Дым начал расползаться за пределы зала, он следовал за Сергеем по коридорам, но тот не обратил на него внимания. Разум был поглощён мыслями о грядущей миссии.

«Я – Крэйвен, Зверь, – напомнил он себе, – но я также и

Кравинов, человек».

Надев халат и подвязав его, Сергей окончательно прогнал Зверя. Иначе зачем ему винтовка? Он вышел из зала на своих двоих и распахнул прочные дубовые двери библиотеки. Внутри было тепло, в шкафах хранились потрёпанные книги, на стенах висели потёртые карты. Сергей решил выпить африканского красного вина, в котором, в отличие от эликсира, не было ничего колдовского. Это прекрасное вино, с нотками мака и львиной крови, много лет выдерживалось в глиняных сосудах. Сергей налил его в массивный серебряный кубок, привезённый родителями из России много лет назад – дар того времени, о котором Сергей мало что помнил. Он позволил вину надышаться, а сам окинул взглядом комнату, полную таких же, как кубок, предметов, передававшихся из поколения в поколение в роду Кравиновых и оказавшихся наконец в его недостойных мозолистых руках.

– Я – Кравинов, – произнёс он вслух, пусть рядом не было ни души.

Старик Кравинов, хотя мало кто поверил бы в это; со дня, когда он ребёнком прибыл с родителями в эти края волков и ягнят, прошли годы – долгие, трудные, порой бесцельные. Тогда он был лишь детёнышем, молокососом, с матерью и кормилицей перебравшимся на берега земли, где не существует понятий чести и достоинства.

При взгляде на статную фигуру Сергея, его обветренное лицо и чёрные, как вороново крыло, волосы никто не дал бы

ему больше сорока. Секрет таился в зельях и травах, которые Сергей принимал. Травы превращали его из человека в зверя, из охотника в хищника, но они также позволяли ему сохранить молодость, ловкость, выносливость и силу. На самом деле Сергей Кравинов скитался по свету уже почти целый век.

Он многому научился за это время, думал Сергей, лениво взбалтывая вино в кубке. Эта страна – не единственная, где забыли про честь и достоинство. В России этим вещам тоже не осталось места. Культура и аристократия ушли в прошлое, взамен пришли большевики, человек стал кормовым объектом для других людей, а точнее, зверей в человеческом обличье. Когда эти люди-звери добрались до семьи Сергея, те были вынуждены искать счастья в Новом Свете – в Америке.

Тем не менее всё, что родителям Сергея пришлось бросить на любимой родине, было им впитано задолго до того, как Ленины с Троцкими утянули матушку Россию в пропасть. Он нёс это в своей крови, в каждой клеточке кожи, в то время как весь мир, казалось, следует печальному примеру России. Где теперь встретишь достойных людей?

Сергей стоял у стола посреди библиотеки и большими глотками пил вино, не обращая внимания на то, что кроваво-красная жидкость стекала по подбородку и капала на его широкую мускулистую грудь. «А куда исчезло понятие чести?» – спрашивал он себя.

Он протянул руку к маленькой панели на столе и сильно надавил на кнопку. Один из книжных шкафов скользнул в сторону, книги в нём оказались лишь искусными муляжами. На месте шкафа возникла неприметная двойная дверь, за которой находилась тускло освещённая часовенка с двумя рядами свечей вдоль стен. Сергей на цыпочках обогнул стол, неосознанно возвращаясь к звериным повадкам, и вошёл в часовню. Двери закрылись за спиной. «Я – Кравинов, – снова подумал он, – и будь мои отец и мать живы, они не узнали бы эту израненную, испуганную зверушку, зовущуюся цивилизацией. Они бы пришли в ужас».

Сергей кивнул и залпом осушил кубок, вино полилось по подбородку. Он рассеянно обтёрся ладонью и шагнул вперёд, в круг мягкого света. По сторонам от него длинные тени плясали на стенах и окнах.

Да, они бы испытали ужас. И отвращение.

Он неторопливо миновал ряды скамеек и цветных мозаичных окон и оказался посреди часовни. Наконец он возвратился к гробу. Тот дожидался на пьедестале у широкого окна, в окружении серебряных канделябров и пышных цветочных композиций, привезённых из Москвы, с Мадагаскара и с Ближнего Востока. Мимоходом взглянув на лежащий рядом модифицированный «Ремингтон», Сергей поднялся по ступенькам к гробу. Он поставил кубок на край крышки, а сам обхватил гроб с обеих сторон, глядя при этом вверх, на потухшие свечи и безразличное декоративное окно.

Я – человек. Я – Зверь.

Я – Крэйвен-охотник.

В этом мире ещё можно было найти остатки достоинства, но не в больших городах. Охотник находил их в джунглях. Честь и благородство он видел не среди цивилизованных людей, утверждавших, что живут в добропорядочном обществе, а в дикой природе, где правил один закон: выживает сильнейший. Там же, а не в культуре, искусстве или других ценностях так называемой цивилизации, он нашёл нравственность и смысл. Смыслом жизни Крэйвена была охота, и он посвятил ей себя без остатка. Но Время, неумолимый хищник, наконец настигло его. Ещё немного, и его тело навсегда окажется заточённым в клетке времени.

Травы, коренья, эликсиры могут поддерживать в нём жизнь, продлевая отмеренный Сергею срок, но ни одно зелье не в силах вновь воспламенить его угасающий дух, и ни одна трава не вылечит его сердце, с трудом выдерживающее гнёт порочной эпохи.

«Когда-то я был ребёнком, – подумал Сергей, – всего лишь щенком, которого мать таскала из одних джунглей в другие. Во многом я таким и остался». Но смысл охоты начал понемногу ускользать, и груз прошлых ошибок тяжёлым бременем лежал на душе Охотника. Его взгляд упал на стол, где лежала винтовка.

«Я скоро умру, – решил Сергей. – Я должен скоро умереть».

Он сунул руку в гроб и аккуратно пошарил там, поглаживая бархатную обивку и лежавший внутри предмет. Челюсти Сергея заскрежетали. Он вспомнил о матери, о России и обо всех невзгодах, выпавших на его долю после приезда в Америку. Он крепко сжал в кулаке лежавший в гробу предмет. В пальцах Сергея оказалось лицо его врага. Шкура Зверя.

Крэйвен медленно вытащил из гроба костюм – алый с синим, украшенный восьмилапым символом Зверя. Поднеся облачение Человека- паука к лицу, он погладил толстым мозолистым пальцем широкие белые линзы глазниц. Крэйвен изучал свою добычу и обдумывал стоящую перед ним задачу. В уголках его глаз выступили нежданные слёзы. Он пристально смотрел в невидящие глаза Паука, готовясь к охоте.

– Я скоро умру, – произнёс Крэйвен.

Фраза стала для него своего рода заклинанием, которое он повторял, чтобы сосредоточиться. Той же цели служил и стук африканских барабанов, устрашающим аккомпанементом сопровождавший его мысли.

– Я должен скоро умереть, – Крэйвен крепко сжал в руке маску Паука. – Но не сейчас.

Часть первая
Скорбящие

Глава первая

ШЕСТЬ человек несли к могиле простой гроб из вишнёвого дерева, в котором покоился Нед Лидс. Шёл дождь. Вокруг ямы собралась небольшая скорбная группа, люди стояли, сложив руки в молитве. Дождь барабанил по спинам, одежде, траве и деревьям вокруг. Носильщики двигались осторожно, боясь поскользнуться в грязи. Склонив головы, они миновали друзей и близких усопшего и поставили гроб на пару широких толстых ремней, натянутых над разверстой могилой.

Лицо Питера Паркера было полно скорби, глаза покраснели от слёз. Он чувствовал себя настолько опустошённым, что едва слышал речь священника. События прошлой недели вконец измотали Питера, и остатки его внимания были сосредоточены лишь на стоящей слева женщине – его давней подруге Бетти Брант-Лидс, вдове Неда. Бетти держалась стойко и лишь вздохнула, закрыв глаза, когда священник закончил произносить слова утешения родным покойного. Ветерок трепал воротник её лёгкого пальто, и она крепко сцепила ладони. Питер положил руку ей на плечо, стараясь хоть как-то поддержать. Честно говоря, ему хотелось с криком убежать, надеть костюм своего альтер-эго, знаменитого героя Человека-паука, перевернуть вверх дном весь город и на чём-то – а лучше на ком-то – выместить негодование.

Не поддавшись порыву, Питер остался на месте, там, где он мог помочь Бетти, и снова прокрутил в голове события последних суток. Трудно было поверить, что он окажется на похоронах журналиста, с которым работал лишь несколько дней назад. За прошедший год они успели стать закадычными друзьями, однако теперь Питер понимал, что совершенно не знал Неда.

«Вчера, – подумал Питер, – Нед Лидс вернулся домой… по крайней мере, его тело вернулось». Питер стоял на взлётно-посадочной полосе аэропорта имени Джона Кеннеди в окружении друзей и родственников Неда и смотрел, как незнакомые люди выгружают тело друга, будто обычный багаж. Неда перевезли через Атлантику вместе с потрёпанными чемоданами, старыми саквояжами и клетками с животными. Не слишком благородно, подумал тогда Питер.

С другой стороны, сама мысль о благородной смерти казалась ему смешной. Смерть есть смерть, в ней нет ничего благородного. Питер повидал достаточно смертей, чтобы это понимать. Поэтому он просто стоял под дождём среди друзей, коллег и родных Неда Лидса, с ужасом осознавая, что тот погиб по его, Питера, вине.

Питер, профессиональный фотограф, выстроил обстоятельства смерти Неда в серию ярких воображаемых кадров.

Щёлк! Вот Джей Джона Джеймсон, владелец газеты «Дейли Бьюгл», отправляет Пита и Неда в Берлин на поиски бывшей шпионки времён холодной войны.

Щёлк! Вот Питер в костюме Человека-паука защищает шпионку, рискуя собственной жизнью.

Щёлк! Вот Питер возвращается в гостиничный номер и находит привязанного к стулу Неда. Его горло перерезано от уха до уха.

Щёлк! В кадре аэропорт и плачущая Бетти Брант- Лидс. Рядом Питер, подавленный, неспособный сопротивляться чувству вины за очередную ошибку.

«Нед тоже не мог сопротивляться», – подумал Питер. Не мог сопротивляться людям, которые, без сомнения, искали Человека-паука, а нашли Неда. Они убили его, чтобы припугнуть Питера, других причин не было. И зачем только Питер оставил друга, а сам отправился геройствовать?

Он старался не смотреть на Бетти. Как он мог взглянуть в глаза ей и всем друзьям Неда, зная, что тот пополнил список погибших лишь потому, что на Питере проклятием лежат сверхспособности Человека-паука?

Гвен Стейси, бывшая девушка Питера, была убита Норманом Осборном – Зелёным Гоблином. Сам Норман пал в битве. Обе жизни на совести Гоблина, но никто бы не погиб, не будь рядом Человека-паука.

Бен, дядя и приёмный отец Питера, погиб от рук грабителя. Человек-паук был слишком увлечён своими новыми возможностями и не остановил преступника. Смерть Бена тяжким грузом легла на душу Питера, и он поклялся использовать свои способности для защиты людей и всего мира.

«Вчера Нед вернулся домой, – думал Питер. – Сегодня мы хороним его, как и всех, в чьей смерти я повинен. Всех, кто был связан с Человеком-пауком и потому потерял жизнь».

Он оглянулся, стараясь не демонстрировать одолевшее его чувство вины. Среди людей он заметил заплаканную Мэри-Джейн Уотсон. Она дотронулась до груди в области сердца и прошептала:

– Я тебя люблю.

Питер сдержал неуместную в такой момент улыбку. Ему хотелось подойти к Эм-Джей и обнять её, но сделать это он всегда успеет. Сейчас в его внимании нуждалась понёсшая тяжёлую утрату вдова. Он повернулся к Бетти и взял её под руку. Двое мужчин начали опускать заваленный цветами гроб в могилу. Бетти была на удивление спокойна, и Питер невольно подумал, как бы она повела себя, узнав, что рядом с ней стоит Человек-паук, прямой виновник гибели её мужа.

«Она бы закричала, – решил Питер. – Даже мне, Человеку-пауку, хочется закричать».

Люди расступились, позволяя мужчинам опустить гроб до конца и начать забрасывать его землёй. Питер склонил голову и шепнул Бетти:

– Как ты?

Она прижала два пальца к губам и закрыла глаза:

– Тссс! Не мешай слушать.

Питер удивленно вздёрнул бровь:

– Что ты слушаешь?

Бетти сдержанно, но блаженно улыбнулась:

– Пытаюсь услышать Неда. Хочу удостовериться, что он не дышит и не шевелится в гробу. Я читала, как людей хоронили заживо, думая, что они умерли. Нед бы не хотел, чтобы его закопали живьём.

Сердце Питера ёкнуло. Затаив дыхание, он смотрел на Бетти. Та открыла глаза – спокойные, умиротворённые, цвета небесной лазури – и шагнула к могильщикам, маша рукой, чтобы привлечь их внимание.

– Простите, – сказала она, и могильщики прервали работу. – Не могли бы вы открыть гроб? Мне нужно убедиться, что мой муж действительно мёртв.

Питер в ужасе подскочил к Бетти и схватил её за руку.

– Бетти, пойдём. Пожалуйста, нам пора…

Она улыбнулась и заключила его в объятия.

– Ох, Пит, – выдохнула она его короткое имя. – Знаешь, когда мы с Недом танцевали…

Бетти смахнула слезу, и Питер вдруг понял, что она не плачет, а смеётся.

– Когда мы с Недом танцевали, я всегда смотрела на *Лидса* вокруг.

Она хихикнула.

– Понимаешь? Смотрела на *Лидса.*

Питер потерял дар речи. Подошедшая сестра Бетти увела ту подальше от могилы, к ожидавшему на стоянке лимузину. Сёстры уехали, ни с кем не попрощавшись. Питер проводил

автомобиль взглядом и ещё какое-то время стоял, сжав кулаки, среди скорбящих. Ему хотелось кому-нибудь врезать, и больше всего этого заслуживал он сам.

Двое мужчин присоединились к нему на выходе с кладбища. Джей Джона Джеймсон, печальный и спокойный, как никогда, посмотрел на главного редактора «Бьюгл» Джозефа «Робби» Робертсона и покачал головой.

– Боже мой, – только и смог вымолвить он срывающимся голосом. – Боже мой.

Робби легонько приобнял его.

– Не кори себя.

Питер навострил уши, при этом не сводя глаз с удаляющегося лимузина. Только мгновение спустя до него дошло, что Робби обращался не к нему, а к Джоне. Джона фыркнул:

– Не корить себя? Я его босс, вся ответственность за жизнь бедного парня лежит на мне.

Джона махнул рукой в сторону, куда увезли Бетти.

– Я виноват в том, что несчастная Бетти, которая работала у нас много лет, стала вдовой. Мне и раньше доводилось терять хороших людей, но этот случай – хуже некуда.

Питер наконец нашёл в себе силы повернуться к начальнику. Тот совсем поник.

– Я разрушил их семью, – удручённо, со слезами на глазах продолжал Джона.

Так они и стояли под моросящим дождём, молча утешая друг друга и оплакивая потерянного товарища. Нако-

нец Джона вытер глаза и побрёл вперёд. Робби последовал за ним, попутно хлопнув Питера по плечу. Их голоса были слышны ещё какое-то время.

– Знаешь, – сказал Джона, – многое можно свалить на этого проклятого прыгуна по небоскрёбам, но в этот раз мне некого винить, кроме себя.

Газетчики уже дошли до парковки, поэтому Питер едва разобрал последние слова угрюмого босса.

– В конце концов, в момент гибели Неда наш мухолов был за тысячу миль от места трагедии. Его руки чисты.

Питер Паркер – удивительный Человек-паук – так и остался стоять как вкопанный среди реальных и мнимых надгробий под гулкий, звучный аккомпанемент дождя, а по его щекам ручьём текли слёзы.

Глава вторая

ПРОШЛО два дня. Мэри-Джейн Уотсон сидела в кофейне в Мидтауне и рассеянно помешивала ложечкой латте. Она ждала Питера Паркера – тот недавно позвонил и сказал, что заедет домой переодеться перед встречей. Мэри-Джейн то и дело поглядывала на дверь. Вечер наверняка пройдёт в разговорах о Неде и Бетти – о чём ещё говорить людям, объединённым общим горем? В знак траура Эм-Джей оделась во всё чёрное. Её нечасто можно было увидеть в чёрном, обычно она предпочитала более яркие, модные цвета, гармонирующие с её рыжими волосами. Но в эти дни всё было тёмным и мрачным, будь то сами похороны, погода или её собственное настроение. Съёжившись в уголке над чашкой остывающего кофе, девушка надеялась, что одежда поможет ей слиться с тенями и остаться наедине с мыслями. Безусловно, она думала о гибели Неда, но куда больше о том, что ей рассказал Питер несколькими днями ранее. Эта новость стала для неё настоящим громом среди ясного неба.

Несмотря на то что они с Питером встречались, на похоронах Мэри-Джейн держалась отдельно, чтобы тот мог присмотреть за Бетти. История отношений Питера и Эм-Джей была долгой – они сходились, расходились и теперь, хотелось бы надеяться, сошлись окончательно, – но с Бетти Питер был знаком ещё дольше, и Мэри-Джейн прекрасно понимала, что

в скорбный час он должен был поддержать подругу. У Эм-Джей с Питером все ещё впереди, к тому же ей бы не помешало немного побыть одной и переварить прошедшие события.

В первую очередь ей требовалось время, чтобы свыкнуться с тем, что её любимый, замечательный Питер Паркер – этот застенчивый тихоня, который, будучи взрослым мужчиной, по-прежнему с удовольствием ел по утрам оладьи, приготовленные его престарелой тётушкой, зарабатывал сущие гроши и никогда не мог самостоятельно выбрать, что надеть, – на самом деле был самоотверженным героем в красно-чёрно-синем костюме.

Питер Паркер – Человек-паук.

Тем вечером, когда Питер вернулся из Берлина, опустошённый из-за гибели Неда, он пришёл к ней и буквально рухнул в её объятия, усталый, заплаканный, неспособный связать и двух слов. Мэри-Джейн успокаивала его, утешала, как только могла. После долгих разговоров он открылся ей. Много лет назад во время школьной экскурсии Питера укусил радиоактивный паук. После укуса у него появились паучьи способности – скорость, ловкость, сила и умение лазить по отвесным стенам. Новый, героический образ постепенно вышел на первый план, что привело к череде непостоянных отношений. Устройство, позволяющее выпускать паутину, Питер изобрёл сам, как и костюм с маской – нужный, по его словам, чтобы защитить близких ему людей. К сожалению,

это удавалось не всегда. Дружба рушилась, девушки уходили, его собственная карьера всегда была под угрозой, ведь город постоянно нуждался в нём – почти каждому нужен был свой дружелюбный сосед Человек-паук.

Поняв, что терять уже нечего, Питер поведал ей все свои тайны за последние десять лет, начиная с гибели Бена Паркера. Мэри-Джейн стала первой, с кем он поделился этими воспоминаниями. Он ответил на все её вопросы, и она понимала, что для него – и для них – значило это откровение. Чтобы полностью осознать истинные масштабы признания и определить, чем оно может для неё обернуться, требовалось время.

– Питер Паркер – Человек-паук, – прошептала она и с трудом подавила смешок, когда подумала, что кто-нибудь может её услышать.

Эм-Джей окинула взглядом других посетителей, но все они выглядели погружёнными в собственные проблемы. Она опять помешала кофе и улыбнулась, несмотря на волнение. То, что она единственный человек в Нью-Йорке, а может, и во всём мире, кому известно, что её возлюбленный – спокойный, вежливый «ботаник», с которым она познакомилась на свидании вслепую, устроенном их не в меру заботливыми тётушками, – в действительности самый крутой, яркий и модный парень на свете. Но любила она его не за это, а за то, что он был самым честным, прямым и ответственным человеком из всех, кого она знала. Больше всего Питера заботило

то, как его образ жизни влияет на его близких.

Смерть Неда, безусловно, стала для Питера напоминанием, что и сам он смертен, и никто из его окружения не находится в безопасности. Может быть, открывшись Мэри-Джейн, Питер хотел её обезопасить, оградить от своего образа жизни – или даже от себя самого? Быть может, он понял, как она уязвима находясь, рядом с ним?

Не успели они снова сойтись, как тень Человека-паука коснулась одного из их общих знакомых. Вдруг после гибели Неда Питер представил, что Мэри-Джейн сбрасывают с моста, как бедняжку Гвен?

Нет, покачала она головой, не желая в это верить. В признании Питера не чувствовалось желания захлопнуть между ними дверь, он не хотел, чтобы посвящение в тайну стало точкой в их отношениях. Если бы это было так, он бы поступил по-другому: как обычно, напустил бы на себя завесу таинственности и скрылся бы ото всех. Этот невероятно раздражавший её приём Эм-Джей как-то назвала «уловкой Паркера». Вместо этого Питер впервые в жизни был с ней абсолютно искренен, он хотел, чтобы она приняла его тайну и узнала всё, что нужно знать девушке Человека- паука.

Другой вопрос – справится ли она?

Вот почему Мэри-Джейн пришла сюда заранее. Она хотела всё обдумать и подобрать правильные слова. Кофе давно остыл, и она отставила его в сторону, не сводя глаз со входа. «Питер Паркер – Человек-паук», – вновь повторила она. Как

непривычно. Как удивительно. Как приятно.

И тут, словно повинуясь её мыслям, появился Питер. Он неловко протиснулся сквозь толпу и оказался у столика. Девушка сразу поняла, что что-то не так. Питер был бледным и одетым как попало. Он шлёпнулся в кресло напротив и утёр пот со лба.

– Пит, что случилось?

Питер посмотрел на неё красными, потерянными глазами и резко хлопнул ладонями по столу, напугав посетителей за соседними столиками и чуть не опрокинув кофе. Мэри-Джейн нежно взяла его за руки.

Откинув волосы, она понизила голос и спросила Питера, глядя прямо в глаза:

– Питер, расскажи, в чём дело?

Питер попытался ответить, но его голос сорвался. Откашлявшись, он прошептал:

– Нед…

– Что с ним?

– Он… – Питер зажмурился, будто ему больно было говорить. Он взял чашку Эм-Джей, отхлебнул кофе, поморщился и отодвинул напиток подальше. – Вчера я узнал, что Нед Лидс был Хобгоблином.

Сначала Мэри-Джейн опешила, но тут же вскочила и потащила Питера за собой.

– Идём, – сказала она. – Поговорим в другом месте.

Через двадцать минут они уже удобно устроились на кро-

вати у Эм-Джей. Питер рассказал всё, что выведал за последние несколько дней. Его осведомители сообщили, что Нед, как и Питер, вёл двойную жизнь. Он где-то раздобыл и модифицировал костюм, ранее принадлежавший Зелёному Гоблину. Как у многих борцов за справедливость, у Человека-паука хватало врагов среди преступников. Мэри-Джейн не слишком ими интересовалась, однако она жила в Нью-Йорке достаточно долго, чтобы запомнить некоторые имена и костюмы разной степени пестроты. Электро, с порождающим молнии устройством на голове. Доктор Осьминог, восьмирукий, стриженный под горшок чудак. Носорог, Ящер… А в последнее время настоящим наваждением для Нью-Йорка стал Хобгоблин. Этот злодей в жёлтой маске и оранжевом плаще устраивал взрывы с помощью замаскированных под тыквы бомб и развязал на улицах настоящую войну преступных группировок. А теперь выясняется, что под маской скрывался доблестный репортёр «Дейли Бьюгл», безвременно ушедший из жизни муж её близкой подруги, Нед Лидс.

– Подумать только, – сокрушался Питер, обхватив голову руками, – насколько виноватым я себя чувствовал, думая, что Нед погиб из-за того, что я – Человек-паук. Из-за того, что мы работали вместе, жили в одном номере, а его женой была моя лучшая подруга. Мне было так плохо.

Не в силах сдержать слёз, он посмотрел на Мэри-Джейн. Щетина на его щеках говорила о том, что он пару дней не брился.

– Как так вышло? Нед носил маску моего злейшего врага. Он постоянно пытался убить меня и только в этом году три раза был близок к этому. Может, он знал, кто я на самом деле, а может, я просто мешал его планам. А я лишь…

Эм-Джей погладила Питера по спине и взяла за руку, чтобы успокоить.

– Не нервничай так. Тебе надо выговориться.

Питер выдохнул.

– У меня словно гора с плеч свалилась. Мне легче оттого, что я не несу ответственности за смерть Неда, по крайней мере, не в той степени, как могла подумать Бетти или ещё кто-нибудь, и я хочу отыскать и наказать тех, кто это сделал, но…

– Ты чувствуешь, что Нед всё равно был слишком близко связан с Человеком-пауком, будучи одновременно твоим другом и врагом.

– … и поэтому Человек-паук так или иначе причастен к его гибели.

После этого смелого заявления Питера в воздухе повисла гнетущая тишина, будто в суде перед оглашением приговора. Мэри-Джейн вспомнила двойные свидания в компании Бетти и Неда, шумные застолья, вечеринки и смех. Ей ни разу не приходило в голову, что за добрыми, пусть и порой холодными глазами Неда может скрываться жестокий убийца. Ничто в этом правильном парне, отличном журналисте, не указывало, что он может хранить тайну столь ужасную, что

её раскрытие повлечёт за собой разрушительный эффект, по масштабу сопоставимый со взрывом пресловутой тыквенной бомбы. Нет, не могло у него быть скелетов в шкафу. С другой стороны, кто бы мог подумать, что за помятой рубашкой остряка Питера Паркера прячется супергерой? А какие секреты могла хранить Бетти? На похоронах, под дождём, она выглядела такой спокойной и печальной в трауре. Мысль о Бетти заставила Эм-Джей замереть. Интересно, как много ей было известно? Рассказывал ли Нед что-нибудь перед тем, как из убийцы стать жертвой? И если Бетти ничего не знала, если Нед не доверил ей свою тайну, что будет с этой хрупкой девушкой, когда правда откроется?

– Ты расскажешь Бетти? – спросила она Питера.

Тот покачал головой:

– Во-первых, это будет сложно сделать, не выдав себя, а во-вторых, ни к чему хорошему это не приведёт.

Он закрыл глаза и опустил голову на руки Мэри-Джейн. Немного побыв в тишине, Эм-Джей взяла его за подбородок и посмотрела в глаза.

– Послушай, ты не убивал Неда Лидса.

Питер открыл было рот, чтобы возразить, но девушка не дала ему вставить ни слова.

– Сперва выслушай меня. Ты не несёшь ответственности за каждую смерть, ранение, несчастный случай или синяк, полученный кем-то в радиусе пятидесяти миль от Человека-паука.

– Пойми же…

– Я всё прекрасно понимаю. В твоей жизни случались ужасные потрясения и трагедии, и ты считаешь себя их виновником. Питер, ты можешь быть сколько угодно пауком, но прежде всего ты – человек. Ты не Господь Бог, не чудотворец, ты обычный человек и, как любой другой, имеешь право на ошибки. Может, у тебя и паучье чутьё, но предсказывать будущее ты не умеешь. Смирись с этим.

Питер сжал губы, хлопнул руками по бёдрам, хрустнул костяшками пальцев одной руки, затем другой.

– Я лишь… Эм-Джей, просто посмотри, как близко он ко мне подобрался. Я невероятно рискую. – Он взял Мэри-Джейн за руку. – Нед умер. Пусть мы не были близкими друзьями, но мы хорошо друг друга знали. А оказалось, что всё это время он скрывал личину Хобгоблина! Как это могло произойти? Как муж Бетти Брант стал отморозком, скачущим по округе и швыряющим бомбы в героев? А главное, почему я не догадался? Я же работал с ним плечом к плечу. Мы были на их свадьбе! А теперь Нед оказался Хобгоблином, до него Норман был Зелёным Гоблином… какие ещё злодеи на самом деле живут рядом со мной? Что, если кто-то близкий замышляет убить меня? Вдруг мой почтальон окажется Электро? А Джона Джеймсон – Носорогом? И…

– И что?

– И что, если кто-то из них попытается использовать тебя, чтобы добраться до меня? Нед вполне мог раскрыть мой

секрет, и тогда…

Питер замолчал, зажмурившись.

– Мэри-Джейн, я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось, как с Гвен.

– Эй, взгляни на меня. – Теперь они оба плакали. – Я знаю, на что иду. Понятно? Точнее, может, до конца и не знаю, но я из Нью-Йорка, я смогу быть девушкой Человека-паука.

– Эм-Джей, мне страшно. Я боюсь, что…

– Не бойся. Я же крутая девчонка, с каким- нибудь Носорогом разберусь одной левой. Ну уж с Человеком-ходулей точно.

Питер рассмеялся.

– Верю. Круче тебя никого нет, а уж разговорчивее и подавно.

Эм-Джей улыбнулась в ответ и подмигнула.

– Тигр, признай, уж в разговорчивости-то ты всегда срываешь банк.

Они придвинулись друг к другу. Питер обнял Мэри-Джейн, нежно поиграл с её волосами и откинулся на подушку. Девушка прижалась к его груди, не обращая внимания на лёгкий запах пота и страха. Этот запах – побочный эффект тяжёлой борьбы с самыми опасными преступниками Нью- Йорка.

«Мой парень – Человек-паук, – вновь подумала она. – Питер Паркер – Человек-паук». Мэри-Джейн с трудом сдерживалась, чтобы не улыбнуться во весь рот.

– Не волнуйся, я рядом. Я хочу быть рядом с тобой и понимаю, чего это будет стоить.

Она почувствовала, что Питер улыбнулся. Глубоко вздохнув, он взял её руку и положил себе на сердце. Оно неистово колотилось, и Мэри-Джейн поняла: что бы она ни говорила, Питер всегда будет за неё бояться.

Мой парень – Человек-паук. В её сердце закралось сомнение. Мэри-Джейн ещё раз вспомнила спокойное и загадочное лицо Бетти Лидс и задумалась, не испугается ли она сама, несмотря на все свои уверения и показную храбрость.

Глава третья

МНЕ *страшно.*

Обнажённый Охотник сидел на блестящем чёрном полу посреди пустой комнаты. Пол пришёл в движение, его поверхность цвета эбенового дерева зашевелилась, стала подниматься, изо всех углов просторной, стерильной комнаты будто покатились волны. «Мне страшно», – думал Сергей, сидя неподвижно среди целого моря пауков. Они спускались с потолка по мерцающим нитям паутины, садились ему на плечи, ползали по спине, забирались в волосы, а потом сползали всё ниже, пока не сливались с массой своих сородичей на полу. Сергей терпел и старался дышать как можно ровнее. Он не боролся с охватившим его страхом, таким образом он укреплял свой дух. Вдох, выдох. Пауки продолжали взбираться друг на друга, постепенно заполняя комнату.

«Я боюсь. Охотник боится», – осознавал Сергей. Тысячи маленьких мохнатых лапок бегали по его телу, бесчисленные нити паутины покрывали его волосы, глаза и лицо. Он по-прежнему ждал, лицом к лицу со страхом, постепенно утопая в море пауков.

«Я боюсь, но боюсь не Паука. Не боюсь Зверя. Боюсь кон-

ца. Однако всему на свете приходит конец». – Он кивнул, стряхнув пауков, кусавших его лицо и шею. На смену упавшим тут же пришло вдвое больше.

Сегодня.

Неожиданно Сергей резко отпрянул. Его пальцы будто бы превратились в когти хищника, он со скоростью льва и яростью тигра стал пригоршнями хватать пауков и запихивать в рот. Издав гортанный крик, Крэйвен-охотник начал кормиться, разрывая на куски пытающихся выбраться наружу пауков и проталкивая их языком глубоко в глотку.

Сегодня. Слово гремело в голове Охотника, пожиравшего сородичей своего врага, наполняло его уверенностью и силой.

Сегодня дело двинется к развязке.

Глава четвёртая

ВЕЧЕРОМ разразился ливень. Он барабанил по крышам небоскрёбов, раскаты грома слышались в отдалении. Ньюйоркцы прятались, торопились домой к родным. Человек-паук сидел высоко на краю крыши и следил за огнями фар, мечущимися по улицам и проспектам, словно метеоры, и сливающимися с отблесками неоновых вывесок и фонарей. Его костюм не слишком спасал от дождя и града, капли попадали в широкие линзы маски, накапливались в складках блекло-чёрной и алой ткани. Тем не менее Человек-паук невозмутимо и задумчиво следил за любимым городом на фоне чернеющего неба.

Бесшумно поднявшись, он двумя пальцами нажал на металлическую кнопку на правой ладони, включив расположенный на запястье пускатель паутины. Эластичная нить выскочила из устройства и накрепко прилипла к стене соседнего здания. С момента изобретения эта паутина доказала свою надёжность. Тогда Питера Паркера больше всего интересовало, как с помощью своих новых удивительных способностей подцепить девушку. Человек-паук ухватился за паутину обеими руками, оттолкнулся и полетел над улицей.

Пусть Питер – человек, скрывающийся под маской, – проделывал это уже неоднократно в самых разных ситуациях, его всё равно будоражило ощущение свободного падения.

Он бросал вызов земному притяжению, чего не могли позволить себе обычные люди. Ветер усилился, его сердце готово было выпрыгнуть из груди, мускулы напряглись. Он, словно воздушный гимнаст, испытывал волшебное, чарующее ощущение полёта, доступное лишь избранным. Несмотря на назойливый дождь, Питер был рад находиться здесь, в тишине, оставив шум и суету города далеко внизу. Тут он мог вырваться из оков забот и переживаний, забыть о Неде, личной жизни и чувстве вины. Забыть обо всём. Он отпустил лёгкую нить паутины и тут же выстрелил новой, целясь в тускло освещённый рекламный щит. Сместив центр тяжести вправо, он выполнил изящный разворот, и на мгновение окружающий мир перевернулся, придя в состояние, подобное хаосу в душе Питера. Перескакивая с нити на нить, Питер не спеша добрался до Ист-Сайда, не забывая попутно высматривать ситуации, где могла бы понадобиться помощь Человека-паука.

Он отправлялся на вторые за неделю похороны. Прощание с Недом было мучительным, болезненным, и Питер не знал, как справился бы без поддержки Мэри-Джейн. Сегодняшняя церемония должна была пройти без лишних чувств и эмоций. По правде говоря, его даже не пригласили. Он узнал о похоронах от тайных осведомителей. Питер не торопился, притворяясь, что патрулирует улицы, и в глубине души надеялся, что ему придётся предотвратить какое-нибудь преступление или кого-нибудь спасти. Перевести старушку

через улицу или снять котёнка с дерева. Да что там, он бы взялся регулировать уличное движение, лишь бы оказаться подальше от пункта своего назначения. От смерти и горя ему было тошно.

Умер Джо Фейс. «Ну умер, и что с того», – думал Питер, двигаясь к Грамерси-парку через Лексингтон. В последний раз, когда Человек-паук столкнулся с Фейсом, этот пухлый коротышка пытался угнать грузовик, доверху набитый проигрывателями *blue-ray* дисков. А прежде Фейс работал на Стервятника, и Питер как-то подвесил его к козырьку Флэтайрон-билдинг, прежде чем сдать полиции. Джо Фейс был обычным уличным воришкой, из которого Питер порой выбивал информацию, а иногда задерживал за мелкие преступления.

Теперь он мёртв.

«Почему это должно меня волновать? – Питер вновь задался этим вопросом, приземляясь на низенькую плоскую крышу дешёвого бара «У Джимми» на углу Двадцатой улицы и Третьей авеню. – Сколько таких Джо Фейсов я знал за мою жизнь, всех и не пересчитать». Питер незаметно прокрался по крыше, напряжённо оценивая ситуацию. Холодные капли продолжали жалить его спину.

Люди вроде Джо Фейса не слишком мешали Человеку-пауку. Они иногда путались под ногами, как и другие случайные люди, иногда служили средством к достижению цели. Обычные пешки – безликие и слишком слабые, чтобы пред-

ставлять угрозу. Обычно они носили поношенную одежду и старое оружие, за исключением тех, кому удавалось попасть на службу к кому-то из больших шишек – суперзлодеев, которые были постоянной головной болью Человека-паука. Впрочем, чаще всего эти жулики промышляли мелким хулиганством, и Человек-паук разбирался с ними, не видя нужды запоминать их имена.

Джо Фейс был никем, как и многие до него. И если этот «никто» умер, какое дело до этого Человеку-пауку?

Для кого-то и Нед Лидс был случайным человеком.

Питер тяжело вздохнул. Выждав момент, он собрался с силами и проник внутрь.

Сегодня видавший лучшие дни бар «У Джимми» был закрыт. Шаткие стулья, обычно беспорядочно расставленные вокруг обшарпанных столов, были сдвинуты в сторону, чтобы освободить место для простого соснового гроба, видневшегося у дальней стены, рядом с ржавым музыкальным автоматом и в шаге от дверей едва освещённого туалета. За барной стойкой никого, лишь ряды пыльных, неравномерно наполненных бутылок стояли на деревянных полках позади древнего кассового аппарата. Стены были увешаны плакатами, на которых с толикой юмора и использованием игры слов излагались правила поведения посетителей, а среди плакатов одиноко мерцала эмблема пива «Миллер-лайт», установленная, видимо, ещё во времена, когда неоновую подсветку только изобрели. Вокруг гроба собралась маленькая группа

людей, судя по виду, рабочих. Некоторые сложили руки в молитве, другие просто держали их в карманах. Перед ними безмятежно лежал покойный Джо Фейс. Оратор – не иначе, сам Джимми, хозяин заведения, в рубашке с коротким галстуком и жилетке бармена, – стоял сбоку, рядом со стулом, на котором находилась миска с помятыми купюрами, и обращался к усопшему.

Питер проскользнул в узкое окно под потолком и осторожно двинулся по стропилам, стараясь держаться в тени и не шуметь. Он нагнулся, чтобы послушать прощальную речь.

– Ты не оставил после себя ни денег, ни семьи. – Джимми нервно переступил с ноги на ногу, прочистил горло и продолжил: – Джоуи, кроме нас, у тебя никого нет. И это, – Джимми обвёл рукой миску, гроб и собравшихся, – всё, что мы смогли для тебя сделать.

Он взял миску и протянул её покойнику, будто тот мог взять деньги и набить ими карманы потёртых джинсов.

– Джоуи, мы кое-что собрали для тебя. Подумали… подумали, что ты заслужил приличный гроб и место на кладбище. Может, когда-нибудь кто-то сделает то же для…

Джимми почувствовал присутствие Человека- паука и инстинктивно взглянул вверх. То же сделали и остальные. Все присутствующие увидели кроваво-красный силуэт костюма, белые линзы- глаза и чёрную эмблему, едва заметную в бесполезных теперь тенях.

– Батюшки, – пролепетал Джимми, – это же… это же…

Не успел он закончить, как Питер спустился по паутине вниз. Никто из присутствующих так и не осмелился произнести вслух «Человек-паук». Некоторые при виде героя испуганно рванулись к выходу. Джо Фейс тоже боялся Человека-паука. Он дрожал каждый раз, когда тот приближался, не важно, за информацией или чтобы арестовать. Джо, как и его друзья сейчас, частенько бегал от своего кошмара в маске.

Питер быстро среагировал на бегство. Приземлившись рядом с гробом, он выстрелил паутиной в дверь, чтобы её невозможно было открыть. Приятели Джо в ужасе ждали, когда Человек-паук начнёт отвешивать им тумаки.

Однако Питеру было не до этого. В конце концов, он на церемонии прощания с человеком.

К тому же публичный образ Человека-паука был лишь выдумкой, маской.

– Стойте! – крикнул Питер. – Я не причиню вам вреда!

Дружки Джо в замешательстве переглядывались, ожидая подвоха, но Питер не собирался сегодня играть в героя – он и так постоянно этим занимался. Конечно, было бы здорово, если бы костюм чудесным образом превращал облачившегося в кого-то другого. Но это невозможно. Под маской Человека-паука – маской, которая порой пугала его самого, – скрывался старый добрый Питер Паркер, такой же человек, как и покойник в гробу перед ним, такой же человек, как Нед Лидс.

Видимо, Питеру всё же было дело до Джо Фейса.

Он выставил руки ладонями вперёд в знак мирных намерений и приблизился вплотную к сосновому гробу.

– Я пришёл попрощаться.

Он повернулся к усопшему, чтобы отдать тому последнюю дань. Мужчины постепенно собрались вокруг героя и покойника. Один из них, лысоватый, краснолицый и потный детина – на вид натуральный уголовник, – вытащил из-под плаща пистолет и кровожадно улыбнулся. Джимми заметил движение и попытался остановить его.

– Гарри, не… – прошептал он, но чересчур громко – Питер услышал бы слова, даже если бы находился где-нибудь в Нью-Джерси.

– Шутишь? Если я пристрелю этого прыгучего психа, моё имя прогремит на весь город!

Гарри приблизился к Человеку-пауку со спины. Старые доски скрипнули под его ногами, Питер мгновенно развернулся и ткнул пальцем в пистолет, угрожающе глядя на Гарри пустыми белыми глазницами. Гарри запнулся и, кряхтя, шмякнулся на стул.

Питер отвёл руку, приложил два пальца к ладони и предупредил:

– Даже. Не. Думай.

Обливаясь потом, Гарри бросил пистолет на пол и поднял руки, показывая, что сдаётся.

Питер кивнул и следом достал из кармашка на поясе небольшую пачку банкнот. Он положил деньги в миску для

пожертвований и обратился к Джимми:

– На приличный гроб и место на кладбище.

Джимми и ещё несколько мужчин одобрительно кивнули, но никто не присоединился к Человеку-пауку, никто не захотел разделить с героем свой момент скорби.

Не хотите приближаться к «прыгучему психу»? Не хотите понять, что он тоже человек, такой же хрупкий, как любой другой… такой же обычный и уязвимый, как Джо Фейс? Человек, который так же боится смерти.

Так думал Питер, отворачиваясь от Джимми и покидая это сборище уголовников. Он быстро направился к своей квартире в Челси, так и не оставив мыслей о смерти.

Вчера Нед Лидс. Сегодня Джо Фейс. А завтра? Тётя Мэй? Мэри-Джейн?

Я?

Питер летел сквозь усиливающийся дождь и наконец приземлился на световое окно на крыше своего дома. Он был рад оставить мрачную, дурную погоду позади и вновь оказаться в родном тепле маленькой квартирки. Он снял костюм, повесил его на дверцу шкафа, пообещав себе не забыть постирать его как можно скорее, и с облегчением рухнул на кровать. В обнимку с одеялом Питер провалялся до глубокой ночи, пока дурные мысли, наконец, не ушли. «Забавно, – подумал Питер. – Я каждый день смотрю смерти в лицо, но никогда прежде о ней не думал. Наверное, если бы думал, то перестал бы быть Человеком-пауком».

Он долго смотрел на болтающуюся под потолком лампочку, единственную на всю комнату, затем стряхнул остатки влаги с волос и ресниц. «Столько близких мне людей ушло раньше срока, – думал он. – Дядя Бен, Гвен, а теперь и Нед… а я ведь тоже не защищён от смерти».

Питер осмотрел комнату. В углу маленький чёрный паук спустился по блестящей паутине вдоль стены и пополз к нему. Питер занёс было руку, чтобы по привычке прихлопнуть паучка, но остановился.

Я тоже умру.

Он медленно, рассеянно опустил руку. Паук убежал подальше от яркого света одинокой лампочки. Питер моргнул, поёжился и потянулся к выключателю.

Я тоже умру.

Когда-нибудь, но не сейчас.

Он с головой укрылся одеялом, повернулся на правый бок и закрыл глаза. Его уставший разум рождал образы гробов и уголовников, и Питер несколько часов ворочался не в силах уснуть, по- прежнему терзаемый вечерними событиями.

Глава пятая

НЕ ГЛЯДЯ по сторонам, Кристина бежала по Шестнадцатой улице. Над головой она держала насквозь промокший номер «Бьюгл», но от проливного дождя это не спасало. На плече болталась сумочка. Кристина уворачивалась от машин и перескакивала через лужи с ловкостью коренного ньюйоркца. Бег на высоких каблуках – то ещё удовольствие, да и час был поздний, девушка никогда прежде не возвращалась домой одна в такое время. Вечеринка затянулась, и она решила ускользнуть пораньше, в надежде успеть на поезд и не испортить при этом ни платье, ни сумочку. Зонтик она не захватила. У парня на углу можно было купить новый, но Кристина пожалела пять долларов. И почему она не сверилась с прогнозом погоды, прежде чем выходить из дома? Поэтому девушка вытащила газету, прикрыла ей голову и побежала что есть сил.

– Что за дурацкая, дрянная погода! – ругалась она вслух. Сойдя с поребрика, чтобы пересечь Восьмую авеню, она обеими ногами наступила в лужу и теперь чувствовала себя мокрой мышью. Дождь всё усиливался, капли пулемётной очередью грохотали по мостовой. Перебегая улицу под мигающий сигнал светофора, Кристина оступилась, и скопившаяся в газете вода вылилась ей на голову и за шиворот.

– Проклятый дождь! Как же я его ненавижу!

Что-то маленькое, мохнатое, ушастое, с мокрыми усами и длинным тонким хвостом бросилось ей наперерез. Кристина в отвращении отпрянула, чтобы не наступить на крысу – привычного обитателя манхэттенской канализации. Потеряв равновесие, она выпустила газету из рук и упала, приложившись головой об асфальт рядом с закрытым канализационным люком. Девушка знала, что подняться надо как можно скорее, ведь из-за угла в любой момент могла появиться машина и сбить её. В голове звенело. Кристина оперлась на локоть и подобрала сумочку и газету, мысленно проклиная крысу и всех её предков, друзей и соседей. Давно пора объявить крыс угрозой обществу, как «Бьюгл» регулярно поступала в отношении Человека-паука. Кристина попыталась встать, превозмогая жестокий дождь и боль от падения, но вдруг вздрогнула. Её правую лодыжку схватили тонкие, но сильные пальцы.

Сердце девушки заколотилось, головная боль усилилась. Она повернулась и увидела, что крышка канализационного люка сдвинута, а из отверстия торчит мокрая мускулистая рука. Потеряв дар речи от страха, Кристина попыталась вырваться, цепляясь ногтями за асфальт, но обладатель когтистых пальцев медленно, но верно подтягивал её к зияющей дыре, уходящей глубоко вниз. Спустя мгновение голос вернулся к девушке, она закричала, взывая о помощи, но было поздно. Брыкаясь и отбиваясь, она соскользнула в люк и, пролетев несколько ступенек металлической лестницы, ока-

залась в канализации.

Какое-то время Кристина провела без сознания, придя в себя, она не смогла понять, как долго это продолжалось. Она осмотрелась. Вокруг были покрытые плесенью стены, ржавые трубы, внизу тянулся поток токсичных отходов. На ступеньках напротив гнездились крысы, грызуны молчаливо осматривали Кристину красными глазами-бусинками. Дрожа, девушка прижалась к стене и попыталась нащупать лестницу, но той не оказалось. Должно быть, её убрал тот человек, что затащил Кристину сюда, – если он, конечно, вообще был человеком. Под гулкие удары собственного сердца Кристина встала, держась за стену, и поискала взглядом выход. Сломанный каблук шаркнул по цементу, и что-то большое зашевелилось в тени, разбрасывая брызги грязи и слизи.

В тусклом туннеле раздалось шипение, эхом отражаясь от стен. Незнакомец приблизился. Кристина изо всех сил старалась разглядеть его.

– П-привет? – спросила она. – Кто здесь?

Шипя, неизвестное сгорбленное существо подобралось ближе, его короткие крепкие ноги месили ядовитую жижу, создавая на поверхности цветные узоры. Почти незаметно шипение превратилось в еле слышную речь, но девушка могла разобрать лишь обрывки фраз.

– Взгляни на неё, – с присвистом шептало существо. – Какая забавная одежда, какой ссладкий запах…

Кристина вновь попыталась привлечь внимание существа.

– Кто вы? Что вы тут делаете?

Если существо и слышало девушку, то вида не подало, продолжив свой странный, путаный монолог.

– Мне кажется, это называется «духи». Маска в бутылке.

Создание хихикнуло и двинулось вперёд. В полумраке показались зловещие красные глаза и мелкие острые зубы – совсем как у тех крыс, что наблюдали за Кристиной и надвигающимся на неё кошмаром.

– Плохая маска, как и у всех остальных. Всссех остальных.

Ухмыльнувшись, существо остановилось и чиркнуло когтистыми пальцами по каменной, поросшей мхом стене. Когда оно снова шагнуло вперёд, Кристина оторопела. Грудь, плечи и руки существа покрывала грязная спутанная шерсть, голова с заострёнными ушами была как у грызуна, а нос постоянно шевелился и втягивал воздух, будто вынюхивая что-то в гнилом, удушливом воздухе канализации.

– Духи лишь скрывают вонь, куда более мерзкую, чем моя, – изрыгнуло существо, разбрызгивая слюну. Морда скривилась, сделав его ещё уродливее, чем Кристина могла представить. Создание двинулось к ней, девушка отползла как можно дальше, хватаясь за сердце и всхлипывая от ужаса, но тщетно – огромный, жуткий крысолюд навис над ней, заслоняя собой всё пространство.

Крысолюд снова ухмыльнулся, продолжая говорить сам с собой, пусть и глядя при этом на девушку. Он то и дело посмеивался, его дыхание было влажным, горячим и очень во-

нючим.

– О-хо-хо, и при этом они считают себя лучше нассс. Они любят притворяться. Из-за них мы вынуждены прятаться здесь, в темноте. Это всё происки этих мягких, сссладко пахнущих людишек в забавной одежде. При виде опасности они разбегаются как крысссы, но в конце концов они ничем не лучше нассс, верно, Эдвард?

Кристина начала задыхаться.

– Э-эдвард… вас так зовут?

Крысолюд зашипел, и его крысиная армия в испуге разбежалась кто куда. Существо кинулось на Кристину в ярости оттого, что его перебили. Зловонное дыхание обдало лицо девушки.

– Я Паразит, – прорычал крысолюд. – Никакой не Эдвард, а Паразит!

Несчастная Кристина вскрикнула в последний раз, и Паразит начал свою трапезу.

Глава шестая

ЗА УЖИНОМ — подогретой самсой из индийского ресторанчика за углом – Мэри-Джейн задумчиво листала фотоальбомы. Каждая фотография пробуждала воспоминания. После разговора с Питером у неё осталось как множество вопросов, так и ответов. События, пережитые ими вместе, теперь открывались с абсолютно новой стороны. Чем дальше Мэри-Джейн углублялась в прошлое, тем хуже, как ей казалось, самса лезла в горло. Наконец девушка отодвинула еду подальше, понимая, что неприятные ощущения в желудке никак не связаны с начинкой из щедро сдобренного специями картофеля и горошка.

Со стороны могло показаться, что Мэри-Джейн Уотсон вела беззаботную жизнь. Однако образ весёлой легкомысленной тусовщицы был лишь искусным камуфляжем, который она снимала лишь перед избранными – прежде всего Питером Паркером. Настрадавшись в детстве от отца, жестокого и подлого типа, Эм-Джей научилась не подавать вида, сталкиваясь с жизненными трудностями. Её личная жизнь тоже не была гладкой. Мэри-Джейн постоянно меняла кавалеров, не желая ни к кому привязываться, чтобы погрязнуть в отношениях, подобных тем, что тянулись у её родителей вплоть до маминой смерти. Как только союз давал трещину, Эм-Джей тут же уходила к новому ухажёру, благо от них от-

боя не было. В их число входил и Гарри Осборн, и добрая половина всех мужчин в Голливуде, пока девушка жила там, и, разумеется, Питер Паркер, отношения с которым приняли совсем новый, невиданный прежде оборот.

По правде говоря, Мэри-Джейн предполагала, что он может оказаться Человеком-пауком, задолго до того, как Питер в этом признался. Постоянные исчезновения в напряжённых ситуациях, внезапные появления некоего прыгуна по небоскрёбам мгновениями позже – все признаки были налицо, но девушка отворачивалась от них, как и от любых жизненных неурядиц. При её нарочито легкомысленном образе жизни лишние переживания и испытания были ни к чему.

В конце концов, никакого толку из этого не вышло. Разглядывая наивные фотографии друзей, эти застывшие моменты жизни, она размышляла о том, что может скрываться за каждым радостным снимком. Какие из этих лиц могут оказаться лишь масками, за которыми их хозяева прячут от окружающих нечто ужасное или невероятное? Трудно было сосчитать, сколько раз жизнь Мэри-Джейн оказывалась в опасности лишь потому, что она связалась с этими людьми, улыбающимися на камеру и не догадывающимися, что среди них есть настоящий герой? Вот на фотографии шестимесячной давности Мэри-Джейн и Человек-паук сидят под ручку в гавайском баре в компании Бетти Брант-Лидс и её мужа, жестокого Хобгоблина. А парой страниц назад Эм-Джей наткнулась на фото Питера, веселящегося в компании Гар-

ри Осборна, сына давнишнего противника Человека-паука – Зелёного Гоблина. Гарри понятия не имеет, что его лучший друг был заклятым врагом его покойного отца, и не знает, что его жизнь постоянно была под угрозой.

Мэри-Джейн закрыла альбом и отложила в сторону. Она выбросила контейнеры с остатками еды в мусорное ведро, подошла к окну и какое-то время наблюдала сквозь залитое дождём стекло за проезжающими внизу автомобилями и мерцающими огнями зданий.

«Я знаю их секреты, – подумала Эм-Джей. – И что мне теперь делать с этим знанием? Что это будет значить для нас с Питером?»

Мэри-Джейн хотелось верить, что ничего не изменится, ведь она любила Питера Паркера, а узнав о его двойной жизни и о том, что он хочет, чтобы она была частью этой жизни, полюбила ещё сильнее. Но хватит ли ей сил? Сможет ли она жить в мире, где несчастья подстерегают за каждым углом, где близкие друзья могут оказаться злейшими врагами? Получится ли у непостоянной, ветреной, регулярно меняющей кавалеров Мэри-Джейн Уотсон принять то, что на её возлюбленном лежит сопряжённая с постоянным риском ответственность и что теперь опасность будет куда чаще грозить ей самой?

И наконец, самое главное: достаточно ли сильна её любовь, чтобы проверить всё вышеперечисленное?

Мэри-Джейн снова взяла альбомы и легла в постель. Се-

годня ей будет не до сна. Она уже в пятый раз перелистала страницы, вглядываясь в застывшие глаза друзей и близких и размышляя о тайнах, которые уже были ей известны, и о тех, которые ещё были покрыты мраком.

Глава седьмая

ИЗ ТЕМНОТЫ высунулись холодные, мокрые, грязные руки. Они манили Питера пальцами с зазубренными ногтями, откуда-то доносились раздражённые обвинения. Всего этих чёрных, чудовищных, пытающихся схватить Питера рук было восемь – по четыре с каждой стороны. Питер забился в угол, молясь, чтобы его не утащили в холодную, тёмную паутину. Питер старался не слушать яростные голоса, на лбу выступила испарина, а где-то вдалеке эхом разносился едва слышный шум, похожий на звук барабана.

Жуткий чёрный паук выбрался из пустоты и широко распахнул пасть, остервенело прокричав одно-единственное слово.

Питер завопил и проснулся. Его сердце колотилось, простыня и подушки промокли от пота. Питер резко сел и включил лампу. Спальня наполнилась мягким светом, на стенах заплясали тени, от которых Питер шарахался, будто от незримых чудовищ. Понемногу ему удалось отдышаться и успокоиться. Всего лишь кошмар, мрачный, жестокий, холодный сон. По телу Питера кто-то ползал. Он не мог ни вдохнуть, ни пошевелиться.

Но пошевелиться было необходимо.

Несколько минут спустя Человек-паук летел сквозь ливень куда глаза глядят. Ему хотелось сбежать куда-то дале-

ко и проветрить голову. Он направился в сторону Таймс-Сквер, в надежде найти среди шума и яркого света подходящую цель. Дождь не прекращался, капли мокрыми пулями ударялись о его вторую кожу. От далёких раскатов грома по спине Питера пробежали мурашки; уж очень звук был похож на призывный клич создания из кошмара. Удары барабанов по-прежнему раздавались в его голове.

Питер выпустил паутину из левой руки, схватился за неё правой и свернул на Шестую авеню. Он вознёсся над крышами домов, туда, где он мог свободно лететь, наедине со спутанными мыслями и лихорадочными кошмарами. Дрожь не отступала, внутренности скручивало, но Питер знал, что должен двигаться дальше. Если он продолжит двигаться, пока не забудет ужасный сон, то всё будет хорошо.

Человек-паук полетел на север, сосредоточившись на своей цели и не замечая, что за ним следят. На крыше в двух кварталах затаился Крэйвен.

Глава восьмая

В РИТУАЛЬНОМ облачении – наброшенной на плечи львиной шкуре, символизирующей его правление над всеми джунглями мира, зелёными, бетонными и прочими, – Охотник крался под дождём, преследуя жертву. В руках – острое копьё, все остальные охотничьи принадлежности – на кожаном ремне за спиной. Крэйвен сидел на полуразрушенном карнизе и осматривал свои охотничьи угодья, стремясь унюхать запах Зверя, так же знакомый ему, как аромат материнских духов.

«Уже несколько лет Паук рушил мои планы, – рассуждал он. – Здесь, на моей второй родине, он посмел унижать меня».

Поначалу Крэйвен не принимал его всерьёз. После многих лет тренировок в дальних странах он вернулся сюда, в рукотворные каменные джунгли, с единственной целью – одолеть Паука. Крэйвен думал, что его противник – обычный чудак в дурацком костюме, любящий не менее дурацкие шуточки. Поэтому Крэйвен охотился на него как на дурака – быстро, без особых приготовлений, желая побыстрее разобраться с Пауком и переключиться на более серьёзные цели. Но этот чудак из раза в раз превосходил Охотника, и тому даже пришлось объединить усилия с другими глупцами, которых Человек-паук унижал в течение долгого времени. Да-

же вместе они не смогли покончить с этим самопровозглашённым героем, этим хитрецом в человеческой шкуре.

Теперь Крэйвену открылась истина. Человек- паук не мог быть обычным человеком. Простому смертному никогда бы не удалось сделать с Охотником то, что сделал Паук. Нет, он не был человеком – он был Зверем, выдающим себя за смертного, облачённым в одеяние цвета крови и неба. Как прекрасно. Крэйвен наблюдал, как это создание пролетело мимо него на тонкой паутинке, нарушая все законы природы. Паук парил над городом, притворяясь, что защищает его жителей, но Крэйвен знал, что защита смертных не была его истинной целью.

Ты существуешь, чтобы проверить меня. Ты провоцируешь меня, бросаешь мне вызов и будешь продолжать делать это, пока я не верну своё честное имя.

Крэйвен последовал за Пауком над каменными джунглями, повторяя каждое движение своего врага. Нет, он не остановится, пока не одолеет Зверя, пока не уничтожит Паука и исправит все свои прошлые ошибки.

– До тех пор мне не будет покоя, – сказал себе Крэйвен.

Глава девятая

«**ТАК, ПАРКЕР**, хватит валять дурака», – отчитывал Человек-паук сам себя, прицепившись к стене пятиэтажного дома в районе тридцатых улиц.

Питер остановился передохнуть, сожалея, что не поел и не попил перед выходом на улицу. Его беспокойному желудку это бы не помешало. Он взял паузу, чтобы всё обдумать и разложить факты по полочкам.

С момента гибели Неда Питер был сам не свой, что, впрочем, было вполне естественно. Ещё бы, он ведь узнал, что весь прошедший год Нед провёл, наряжаясь в поношенные тряпки Нормана Осборна и кидаясь в Питера тыквобомбами. Тот самый Нед, который за день до смерти заплатил за него в кафе.

(Так почему…)

Немудрено, что у Питера было неспокойно на душе. Он пролез через пожарный выход и осмотрелся в поисках киоска или магазинчика, где можно было бы купить банку имбирного эля или «Алка- Зельцера». Со дня похорон Неда Питер плохо спал и не мог усидеть на месте. Нервы были на пределе, от бесцельного блуждания под дождём он устал как собака – оставалось только подцепить простуду или грипп, что с его удачей было вполне реально.

(Почему я так уверен, что…)

Посещение церемонии прощания с Джо Фейсом ничем не помогло. И надо же было ему умереть?! Питеру и без того было тошно, а теперь ко всем переживаниям добавилось и чувство вины за смерть малознакомого бандита. Двойные похороны, откровенный разговор с Эм-Джей, да ещё и эта унылая погода – на месте Питера никто бы не смог сохранить самообладание. Наверное, потому он и прыгал со здания на здание, невзирая на почти достигший масштабов Всемирного потопа ливень. Он двигался на автопилоте, готовый всё отдать за глоток газировки или сэндвич, но ни на шаг не приближался к ответам, которые желал отыскать, выходя из квартиры.

Питер пересёк настоящую пропасть, разделявшую два здания, и приземлился на щит, рекламировавший не что иное, как аэрозоль от насекомых. «Убивает насекомых наповал!» – гласил слоган. Питер присел на корточки за прожекторами, освещавшими рекламу и нарисованных на ней тараканов мягким, насыщенным светом. Он развернулся и ухватился напряжёнными, с побелевшими костяшками, пальцами за край крыши и устремил взгляд в небеса в поисках какой-то неведомой угрозы, неизбежного рока, что ещё не явил себя.

Тут он осознал, что его паучье чутьё наверняка бы трубило во все трубы, если бы угроза действительно существовала. Питер упрекнул себя за то, что чуть было не позволил собственному смятению перерасти в настоящую паранойю.

Он просто подавлен из-за случившегося с Недом и обеспокоен из-за Эм-Джей, а в остальном всё в порядке.

(Но почему я так уверен, что меня кто-то или что-то подстерегает в…)

Мысль оборвалась, по спине снизу вверх будто пробежал огонь, заставив нутро Человека-паука перевернуться. Его настроение мигом поменялось. Паучье чутьё, будто сигнализация, зазвенело в мозгу. Питер едва успел повернуться направо, как что-то маленькое и острое пронеслось перед его глазами и вонзилось в аляповатого нарисованного таракана. Не повернись он, красный дротик наверняка попал бы в цель.

Питер отскочил в сторону, уклоняясь от нового выстрела, но невидимый противник прочитал его манёвр. Второй дротик со свистом вылетел из темноты и попал Человеку-пауку прямо в шею над правым плечом. От удара и шока Питер потерял равновесие. Падая, он развернулся к рекламному щиту, стараясь не перелететь через край крыши, вытащил дротик и осмотрел его. «Как глупо», – подумал он. Дротик был самодельным, на острие остались следы тёмной маслянистой жидкости. На мгновение в глазах потемнело, и Питер отшвырнул дротик подальше. Дротик был в его теле не больше секунды, но свою задачу он выполнил.

«Как глупо, – повторил Питер. – А ведь паучье чутьё предупреждало меня. Я мог легко увернуться, но промедлил. Я… испугался». Его взгляд вновь помутился. За стеной до-

ждя мелькали образы, лица, глаза людей. Они искали его. По крайней мере, по дротику можно было установить личность нападавшего, но яд понемногу делал своё дело. Мысли путались, недавние болезненные воспоминания не хотели уходить, и вместо нужного имени на языке вертелось совсем другое.

Это он. Наверняка он.

Джо Фейс. Нет. Нет, Джо Фейс ведь мёртв, значит, это…

Человек-паук с трудом приподнялся, протёр глаза, не снимая маски, пытаясь прогнать видения, скорее всего вызванные галлюциногенным наркотиком. Еле соображая, Питер ухватился за стену и встал. Ноги подкашивались, как у новорождённого жеребёнка, перед глазами стояли яркие вспышки. Он напряг остатки зрения, чтобы сквозь дождь разглядеть- таки своего противника. Наконец ему это удалось. Тот гордо стоял на крыше противоположного дома, в нелепом, неудобном наряде Льва Лео[1].

ЭтонеДжоФейсэтоКрэйвенЭтонеДжоФейсэтоКрэйвен.

Питер снова протёр глаза, стремясь избавиться от галлюцинаций, этих призрачных напоминаний о невыполненном долге и снедающем его чувстве вины, этих лиц, преследующих его в снах последние несколько ночей. Сжав кулаки, он выпрямился в полный рост и приготовился к схватке.

---

[1] Лев Лео – символ киностудии MGM. – Здесь и далее прим. пер.

Глава десятая

ИДИ СЮДА, *Паук.*

Крэйвен поманил добычу, обеими руками призывая следовать за собой. Смеясь, Охотник перепрыгнул на соседнюю крышу. Его смех не был режущим слух хохотом гиены, а триумфальным рёвом гориллы, повергнувшей искусного врага. Крэйвен ухмыльнулся через плечо, снова предлагая Пауку отправиться в погоню, и помчался по своим охотничьим угодьям.

Иди же, Паук. Сегодня моё сознание очищено травами и кореньями. Я познал твою сущность, питаясь плотью от плоти твоей. Мой разум проник в твоё естество и теперь пожирает тебя, как личинки пожирают труп.

Могучие ноги Крэйвена с лёгкостью переносили его через зияющие пропасти между зданиями, его упругие мышцы туго натянулись, когда он приземлился на ближайший карниз.

Приди ко мне.

Охота была всей жизнью Сергея Кравинова, даже когда ему приходилось самому притворяться добычей. Человек против зверя. Древнейший вид соперничества, где две сущности используют тактику и стратегию, разум и тело, чтобы взять верх. Паук оставался единственной целью Крэйвена. Охотник тщательно подготовился и был полон решимости, он изучил своего давнего врага со всех сторон, узнал его

сильные и слабые стороны, оценил его, испытывая одновременно страх и восхищение. Должно быть, так Уильям Блейк изучил своего грозного Тигра из «Песен опыта» 1794 года. Сергей владел собранием сочинений Блейка и весьма ценил экспрессивные, порой язвительные стихи поэта.

Тигр, – писал Блейк, —

О тигр! кровавый сполох,
Быстрый блеск в полночных долах,
Устрашительная стать,
Кто посмел тебя создать?[2]

«Ах, – подумал Крэйвен, улыбаясь в пылу погони, в предвкушении победы. – Видел бы Блейк моего Зверя, моего прекрасного, грозного, алого и кобальтового Паука!» Крэйвен нёсся сквозь ливень, оглядываясь, чтобы оценить, как далеко отстал его доблестный, невероятный преследователь.

«О Паук, – воззвал Крэйвен, – кровавый сполох!»

Приди ко мне, Паук, и позволь мне восстановить своё честное имя.

[2] Пер. В. Топорова.

Глава одиннадцатая

ЧЕЛОВЕК-ПАУК неуверенно последовал за Крэйвеном по крышам Нью-Йорка, всеми силами стараясь сохранить самообладание и ясность мыслей. Яд или иной препарат, которым его отравил Крэйвен, действовал на вестибулярный аппарат, и поэтому ему приходилось бежать, прыгать и даже ползти вместо того, чтобы лететь на паутине. Он перевёл дух на крыше низкого кирпичного здания и огляделся, ища место, где Крэйвен или его звери могли устроить засаду.

Крэйвен-охотник. Питер едва сдержал смешок. Этот старый лев был злодеем не того ранга, чтобы тратить время и силы на его поимку. Если бы кому-то пришло в голову составить Официальный Иллюстрированный Каталог Врагов Человека-паука, Крэйвен-охотник оказался бы где-то в конце списка, рядом с Невероятным Человеком-лягушкой и далеко позади серьёзных ребят вроде Доктора Осьминога или Электро. Как-то раз Осьминог объединился с Царём Джунглей, и, по правде сказать, Питер подумал тогда, что старый док спятил. Без помощи диких зверей и экзотических штуковин Крэйвен не представлял никакой угрозы.

«И вот как всё обернулось, – подумал Питер, сопротивляясь галлюциногенному эффекту крэйвеновского дротика. – Я еле держусь на ногах, температура вот-вот сведёт меня в могилу, и вместо того, чтобы провести ночь с моей прекрас-

ной девушкой, я преследую под проливным дождём чудака в леопардовой набедренной повязке. Да уж, чем больше сила, тем больше глупость». Приведя мысли в порядок, Человек-паук вновь двинулся по следу Крэйвена, прокладывая путь через стоящие как можно ближе друг к другу здания.

Питер ухватился за дымовую трубу, чтобы удержать равновесие, и приготовился к новому прыжку, но тут же остановился. Перед ним возник Джо Фейс, который не мог им быть, потому что Джо Фейс был мёртв. Спустя мгновение Джо превратился в Крэйвена с копьём в руке. Питер не на шутку встревожился, ведь всё произошло так быстро, что верное паучье чутьё не успело его предупредить.

Крэйвен ударил Человека-паука копьём плашмя по лицу. Тот выпустил трубу и покатился к краю крыши. Питер упал на спину, ударившись шеей о перила. Боль пронзила голову, он тут же пошевелил пальцами рук и ног, проверяя, не пострадал ли позвоночник. Уже дважды Крэйвен застал его врасплох – чересчур для этого третьесортного злодея.

Что со мной? Мышцы теряют гибкость, голова с трудом поворачивается. А, меня же отравили. Теперь понятно.

Питер встал и бесстрашно повернулся спиной к Крэйвену. Если ещё немного продержаться, сработает восстановительная способность и предотвратит дальнейшее действие яда. Из последних сил Питер вытянул руку, нацелился в пустоту, приложил два пальца другой руки к ладони, но не успел выпустить паутину и переместится на безопасное расстояние.

Крэйвен подсёк его ногу тупым концом копья, и попавший в засаду герой вновь потерял равновесие и шлёпнулся наземь. Первой его мыслью было не сопротивляться боли, но Питер всё же нашёл силы подняться и попытался сбежать, но было поздно. Крэйвен спрыгнул вниз, словно дикий кот в обличье суперзлодея.

Затылок болел, в голове будто стучали барабаны. К головной боли присоединилась пульсирующая боль в ноге, и Питер уже ничего не слышал, даже довольного рычания Крэйвена. Охотник кружил вокруг Человека-паука, как хищник вокруг жертвы. Мышцы Питера расслабились. Он устал и чувствовал, что проиграл. Сколько ни сопротивляйся, сколько ни беги – последнее слово всё равно останется за Крэйвеном.

Все суперзлодеи, будь то Крэйвен, Док Осьминог, Стервятник или кто-то ещё, вели себя одинаково. Упившись триумфом, Крэйвен наверняка испустит боевой клич, а затем утащит Человекапаука в своё полное ловушек и трофеев убежище. Там он несколько часов будет хвастаться, рассказывать о смысле своей жизни, о том, как, победив Человека-паука, он превзошёл всех, кто до него пытался снять Паучку голову с плеч. А пока Крэйвен бахвалится, Питер придумает способ стереть идиотскую улыбочку с лица этого придурка и отправить его обратно на сафари, с которого он притащился.

Этот план никогда не подводил. Питеру нужно лишь подождать, и всё будет хорошо.

Глава двенадцатая

А ТЕПЕРЬ *потанцуем.*

Переполненный радостью, с улыбкой победителя на губах, Крэйвен отшвырнул копьё и подался вперёд, предлагая Пауку взять его за руку. Паук – Зверь – мешкал, растерянно глядя на него, наверняка подозревая подвох. Затем он поднялся, готовый дать Охотнику бой.

Паук отступил, ища путь для побега, но Крэйвен не отпускал добычу, широко расставив руки и переступая то направо, то налево, оттесняя Паука от края крыши.

Тут Паук кинулся вперёд, делая выпад правой рукой. Крэйвен изящно уклонился. Последовали ещё два удара, затем пинок. Охотник уворачивался, наслаждаясь бескомпромиссной схваткой, и всё шире ухмылялся, стремясь вывести противника из равновесия. Его враг знавал лучшие дни. Паук был утомлён, его грудь тяжело вздымалась. Он еле держался на ногах, и каждый удар давался ему с невероятным трудом. Крэйвен снова поманил Паука и с усмешкой гиены ушёл от очередной атаки.

Иди сюда, Паук. Сразись со мной, как Охотник с Охотником, перед лицом стихии, перед лицом Бога и человека. Я больше не боюсь тебя.

– Иди сюда, – произнёс Крэйвен вслух, и Человек-паук ответил яростным криком и ударом ногой с разворота. Охот-

ник с лёгкостью блокировал удар и от всей души врезал противнику в солнечное сплетение.

Паук повалился наземь, держась за живот, но при этом не сводил глаз с Крэйвена. Тяжело дыша, насквозь промокший Зверь обвинял Охотника в том, что тот отравил его, что нечестным путём добыл преимущество в бою. Сергей лишь улыбнулся. Нечестным путём? Отнюдь. Сегодня всё было по чести. И поэтому он благородно исполнит последнее желание Паука.

Крэйвен достал новый дротик и показал его Пауку, чтобы у того не осталось никаких сомнений. Издав звериный вой, Охотник вонзил дротик себе в грудь. Снадобье попало в кровь, смешиваясь с усиливающими восприятие травами и эликсирами и приведя Крэйвена в исступление. Теперь ставки в этой охоте были равны. Пришла пора завершить главную миссию всей его жизни.

Бросив дротик на землю, Крэйвен отступил от Паука и жестом показал, что тот может бежать, если пожелает. Затем Охотник скрылся в тенях. Человек-паук в замешательстве подошёл к краю крыши и шагнул в пустоту, выпуская паутину и улетая на поиски безопасного места.

Охотник выждал немного и пустился в погоню.

Глава тринадцатая

ЧЕЛОВЕК-ПАУК взял курс на запад, к реке, подальше от жилых районов, а главное, подальше от Мэри-Джейн. Он чувствовал себя как выжатый лимон и никак не мог понять, что задумал Крэйвен. Что бы это ни было, он твёрдо понимал, что Охотник перестал изображать чудака в леопардовой шкуре и положил все силы на то, чтобы победить Человека-паука. Паучье чутьё Питера помутилось от яда, предупреждая об опасности каждый раз, когда мимо проезжало такси или когда Питер пролетал мимо едва видимых столбов и маячивших в ночи небоскрёбов. Нужно было спрятаться, и поживее, пока Крэйвен не добрался до него.

Как и всегда, главным для Питера было убедиться, что в пылу битвы не пострадают случайные прохожие. Однако, если Крэйвен планирует что-то более масштабное, нежели казалось на первый взгляд, необходимо было принять усиленные меры безопасности. Крэйвена надо было увести подальше от близких Питеру людей.

В голове продолжали стучать африканские барабаны.

Рука Питера соскользнула, но он, пролетев один этаж вниз, смог зацепиться за ближайшую стену. Ему хотелось остановиться и отдышаться, но барабаны устроили настоящую бомбёжку у него голове: это означало, что Крэйвен уже наступает ему на пятки. Перед глазами стояли образы Джо

Фейса и Неда Лидса, лежащих в могилах со сложенными на груди руками. Поэтому Питер бежал, пока были силы, и даже когда они оставили его, продолжал бежать, позабыв о паутине, в сторону реки Гудзон.

Головная боль усиливается – просто замечательно.

Потеряв равновесие, Питер оказался на крыше одного из домов. Он заполз под массивную вентиляционную трубу, решив, что там достаточно темно и безопасно, но тут же боковым зрением уловил движение. Он ошибся. Преследователь с каждым шагом был всё ближе и наконец настиг его.

Крэйвен накинул на Человека-паука прочную, похожую на паутину сеть с тяжёлыми грузилами. Как ни сопротивлялся Питер, выпутаться не получалось. Псевдопаутина, из чего бы она ни была сделана, оказалась очень крепкой. Даже находясь в наилучшей форме, Питер вряд ли смог бы легко порвать её, а в таком состоянии, как сейчас, на освобождение ушла бы вся ночь. Он оставил тщетные попытки и ждал Крэйвена, прижавшись к земле. Тот приближался с противоположного края крыши. Сеть и костюм Человека-паука насквозь пропитались водой. Дыша как можно ровнее, Питер следил, как Крэйвен вытащил из-за спины новое оружие в чехле. «Меч? Или ещё одно копьё?» – Питер лихорадочно думал, оценивая уровень опасности и вырабатывая планы и стратегии вопреки замутнённому ядом сознанию. Лишь бы ещё раз собраться с силами, разделаться с этим жалким подобием царя зверей и вернуться домой, где Мэри-Джейн за-

лечила бы его раны.

Крэйвен расчехлил оружие. Питер напряг зрение, чтобы получше разглядеть предмет.

Что там у него?

Мышцы слабели, силы уходили, но Питер всё равно пытался сосредоточиться.

Неужели винтовка?

С оружием в руках Крэйвен приблизился и улыбнулся во все тридцать два белоснежных зуба. Хищная ухмылка на мгновение отвлекла Питера от винтовки, которую Охотник вскинул на правое бедро и нацелил на Человека-паука. Паучье чутьё сбилось окончательно. Сердце Питера заколотилось в такт невидимым барабанам, он как мог сопротивлялся, но тьма в его сознании сгущалась, и паника протянула к Человеку-пауку свои толстые, удушающие щупальца.

Крэйвен крепко сжал винтовку бледными пальцами и взвёл курок, ухмыляясь, как бабуин. При виде нависшей над ним фигуры Охотника Человек-паук вновь попытался порвать сеть, проскользнуть сквозь неё, но из-за дождя, паники и яда никак не мог хорошенько ухватиться за волокно.

И зачем только Крэйвену понадобилась винтовка, и почему он так смотрит?..

Крэйвен поднял винтовку, целясь Человеку-пауку в голову.

– Моё честное имя будет восстановлено, – прорычал он.

У Человека-паука внезапно открылось второе дыхание, и

он изо всех сил постарался оттянуть от себя сеть.

– Ну же, Крэйвен, – язвительно произнёс он голосом, который, казалось, сперва пропустили через нафталин и наждачную бумагу, – винтовки ведь совершенно не в твоём вкусе. Ты… ты всегда стремился сделать из меня отбивную голыми руками, и честно говоря, сегодня так холодно, что я бы и сам не отказался от хорошей, горячей отбивной. С картошечкой и молочным коктейлем. Может, хватит? Пойдём лучше поужинаем где-нибудь.

Крэйвен пропустил колкости мимо ушей и продолжал ухмыляться. Внутри у Питера похолодело. Он понял, что дурацкие шутки здесь не помогут. Каким слабым и уязвимым он, должно быть, выглядел. В этот раз Крэйвен не был третьесортным шутом со львиной мордой на груди. В этот раз он был вооружён и пощады от него ждать не приходилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.